РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 314.93

ПОЛИЭТНИЧЕН ЛИ СОВРЕМЕННЫЙ ЮГ РОССИИ?

© 2024 г. А.Г. Дружинин^{1,2,3}

¹ Южный федеральный университет

² Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

³ Институт географии РАН

e-mail: alexdru9@mail.ru

Современная активизация (и актуализация) трансформационных процессов в российском обществе на фоне существенно возросшей глобальной турбулентности инициирует приоритетное внимание к пространственному развитию, требующему, в свою очередь, более детализированного и корректного видения этнодемографической специфики территории. В статье на основе полимасштабного анализа данных Всероссийской переписи населения 2021 г. акцентированы особенности этнической структуры Юга России (Южного и Северо-Кавказского федеральных округов), являющегося в этногеографическом отношении наиболее «мозаичным» макрорегионом Российской Федерации. Показано, что укоренённое в научном дискурсе представление о Юге России как полиэтничной территории в целом оправданно (доля русских в населении, учтённом переписью, составляет 60,4% при среднем по России – 71,7%), но должно быть концептуально скорректировано для регионального и муниципального таксономических уровней. Так, из 15 локализованных на Юге России субъектов Федерации в 7 удельный вес численно преобладающего этноса превышает 75%, что означает их преимущественную моноэтничность (данные регионы занимают 61% территории Юга России, концентрируя 67% его населения и 73% ВРП). Аналогичная ситуация и в 239 (из 332) муниципальных образованиях (городские округа, муниципальные районы и муниципальные округа) макрорегиона, включая такие важнейшие урбанистические центры как Краснодар, Ростов-на-Дону, Волгоград, Ставрополь, Севастополь. Территориальная, селитебная и хозяйственная структура Юга России смещены, в итоге, в пользу регионов и муниципалитетов с чёткой «этнической окраской» (в том числе русской – в 5 субъектах РФ и половине муниципальных образований), что позволяет рассматривать южнороссийский макрорегион как асимметричное сочетание моно- и полиэтнических территорий.

Ключевые слова: этническая структура, полимасштабный анализ, моноэтничность, полиэтничность, муниципальное образование, Юг России.

DOI: 10.5922/1994-5280-2024-2-3

Введение. Понимание Юга России (с конца 1990-х гг. идентифицируемого [10] в качестве социально-экономической целостности, очерчиваемой границами Южного и Северо-Кавказского федеральных округов и объединяющей 3,6% площади и 18,3% населения Российской Федерации) как *полиэтнической территории* является в постсоветский период укоренённым, доминирующим, стойко воспроизводимым в научном дискурсе (см. [15; 20; 36]). Оно базируется, с одной стороны, на объективных статистических выкладках, фиксирующих, в частности, *устойчивый тренд сокращения*

«присутствия» в этнической структуре южнороссийского макрорегиона русского населения (за 1959–2021 гг. с 77,8% до 60,4%, если учитывать данные и по Крыму) с соответствующим *нарастанием иноэтничности:* только непосредственно за постсоветский период, точнее, за 1989–2021 гг., численность чеченцев возросла на Юге России в 1,9 раза, аварцев – в 1,8 раза, даргинцев – в 1,76 раза, ингушей – в 2,5 раза при том, что русских за аналогичный временной интервал лишь на 5%. С другой стороны – на исторически сложившихся, основывающихся на реалиях Российской империи и СССР [6], и поныне

выступающих в качестве базового нарратива [3; 7; 24; 31] представлениях о российском государстве и обществе как территориальном объединении множества народов (в итоговых данных переписи населения их учтено более 180).

Современные трансформационные, турбулентные геэкономические и геополитические процессы не только воздействуют на структуры российского пространства [2; 14], но и предполагают его многомерную «переоценку» с неизбежным всё более детализированным вниманием как непосредственно к российским регионам (после 2022 г. численно «приросшим» и, в этой связи, ещё более неоднородным по своим природно-хозяйственным, селитебным и иным характеристикам), так и к формирующим их «ткань» муниципальным образованиям, в своей сумме демонстрирующим предельно усложнённую мозаику в том числе этнодемографическую. Концепт «полиэтничности» применительно к сфере пространственного развития, утрачивая свою ныне преобладающую геоидеологически обусловленную практическую всеобщность, в этих условиях должен всё более обретать исследовательскую и управленческую строгость в качестве чётко очерченной этноструктурной типологической характеристики.

Вынесенный в заглавие вопрос о полиэтничности, о корректности подобной оценки, степени её правомерности по отношению к такой территориальной социально-экономической конструкции как Юг России (сложно фрагментированной и многоуровнево выстроенной, характеризующейся геополитически обусловленной динамикой своих внешних границ) акцентирован именно в этой вышеизложенной причинной обусловленности и смысловой логике. Основная же цель статьи – на основе данных переписей населения (в первую очередь актуальной, проведённой в России в 2021 г.), показать сложившуюся этноструктурную дуальность южнороссийской территории, фактическое наличие в ней в том числе значимых (демографически, экономически, миграционно и др.) сегментов, обладающих выраженными моноэтническими признаками.

Обзор ранее выполненных исследований. Изучению этнической структуры населения Юга России посвящена обширная научная литература. Отчасти – это комплексные, вмещающие в том числе этнодемографические сюжеты издания по регионоведческой тематике [11; 21; 26]. В существенно большей мере – предметно сфокусированные монографии и статьи, посвящённые расселению в макрорегионе отдельных этносов [29; 34], этнодемографическим следствиям миграционных процессов [17; 30; 37], а также в целом факторам и особенностям трансформации этнической структуры в разрезе отдельных территорий [13].

Информационно значимый пласт исследований представлен также работами, раскрывающими этнодемографические пространственные структуры и процессы как в масштабе Российской Федерации, так и в пределах всего постсоветского пространства [18; 24; 25; 27; 28], с одновременной фиксацией в них и собственно южнороссийской специфики.

В большинстве публикаций внимание фокусируется, при этом, на общей ситуации в регионах (субъектах федерации). Муниципальный «срез» рассматривается реже (например, в [3; 9; 35; 36]), причём, как правило, не охватывает всей южнороссийской территории в её полимасштабности и целостности (в том числе «посткрымской»).

Материалы и методика исследования. Фактологический массив исследования представлен данными Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.¹ (детализированными и обобщёнными в том числе по 330 муниципальному образованию т.н. «второго уровня», составляющими пространственную структуру 15 южнороссийских субъектов Федерации), дополненными сведениями из предшествующих переписей², а также актуальной социально-экономической статистикой по Югу России, публикуемой Росстатом³.

Анализ дихотомии «полиэтничность – моноэтничность» базировался на учёте вариативных, подверженных эволюции представлений о феномене *этноса* [6; 8; 23], на возможности (и необходимости) аппликации

¹ Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (Дата доступа - 10.06.2024).

² <https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: P32 Стат. сб. Росстат. М., 2023. 1126 с.

фундаментальной для географии *идеи пространственности* [1; 16] применительно к этнической структуре территории, а также на *полимасштабном подходе*, продуктивно применяемом в современной общественной географии [33]. Идентификация «моноэтничности» основывалась при этом на сложившемся в отечественном географическом сообществе в целом консенсусном представлении о российской этногеографической структуре как единстве «русского мегаядра» (симптоматично делимитируемого по доле в населении русских в 80% [25], и даже в 75% [18]), и опоясывающих его поли-иноэтнических территорий, а также имманентности для значительной части Российской Федерации тренда «моноэтнизации / коренизации». На этой основе предложено *расширительное толкование моноэтничности* (в сопоставлении с традиционным, когда внимание фокусировалось лишь на 95%-й доле конкретного этноса в населении территории [6]) при фиксации её инвариантных, переходных к полиэтнизму ситуаций «по нисходящей», включающих *ультрамоноэтничность* (удельный вес численно преобладающего этноса превышает 95%), *моноэтничность с иноэтничными «вкраплениями»* (доля лидера – 85–95%), а также моноэтничность с весомыми иноэтничными «вкраплениями» (75–85%). Всё иное типологизировано как столь же инвариантная *полиэтничность*, которая (равно как и её структурный антипод) одновременно рассматривалась в качестве тенденции и зафиксированного в пространственно-временной системе координат состояния.

Результаты исследования и их обсуждение.

Рост полиэтничности южнороссийского макрорегиона – пролонгированный, проявляющийся уже многие десятилетия тренд. Его наиболее характерной иллюстрацией (и приоритетным фактором) выступает, прежде всего, устойчивое, присущее подавляющей части регионов Юга России сокращение в них удельного веса русского населения. «Дерусификация» этнической структуры протекала со второй половины XX в. [18; 25; 30], приняв наиболее выраженные

формы в республиках Северного Кавказа, Республике Калмыкия, Астраханской области (табл. 1).

Что касается ситуации непосредственно в постсоветский период, то лишь в Краснодарском крае (с Адыгеей) и в Крыму доля русского населения (численно приросшего) в этнической структуре не сократилась. В Ставрополье на фоне роста абсолютной численности русских – снизился их удельный вес. В остальных регионах имела место понижательная динамика как абсолютных, так и удельных показателей, дополняемая (что резко видоизменяет весь этнодемографический баланс) «взрывным» ростом демографического потенциала других этносов: за 1989–2021 гг. число локализованных в пределах Юга России чеченцев возросло с 857 тыс. до 1 623 тыс. (94,3 % прироста пришлось непосредственно на Чеченскую Республику), ингушей – с 201 до 504 тыс., аварцев – с 522 до 986 тыс. (99% прироста локализовано в пределах Дагестана), даргинцев – с 346 до 607 тыс. и т.д.

На этом фоне на Юге России разворачивался двойственный процесс, ведущий не только к общему изменению его этнической структуры, но и к возросшей *стратификации всего южнороссийского пространства на «русскую составляющую» и «иноэтнические сегменты»*. С одной стороны, именно на Юг России (особо – в Краснодарский край, Крым, Ставропольский край и Ростовскую область) «перетекало»⁴ русское население из других макрорегионов страны. С другой, подобный прирост отставал от демографической динамики подавляющей части автохтонных северокавказских этносов, благодаря чему сокращение удельного веса русского населения в целом по макрорегиону шло опережающими среднероссийский показатель темпами.

Если анализировать пролонгированный тренд (с 1959 г.), то именно на Юге России оказалось локализовано 69% прироста численности русских в пределах всего РСФСР–РФ, включая Крым. Непосредственно в постсоветский период некоторый (сопоставимый с динамикой одного лишь чеченского этноса) рост численности русских в резко сузившемся

⁴ Миграционная составляющая здесь, полагаем, являлась определяющей, намного превосходя возможности ассимиляции проживающих на этих территориях представителей родственных славянских этносов. Учитывая, что, к примеру, в 1959 г. на территории Краснодарского края перепись зафиксировала 145 тыс. украинцев, в Ростовской области – 138 тыс., а в 2021 г. – 29 и 26 тыс. соответственно, вклад «фактора миграции» в рост численности русских в ряде регионов Юга России можно оценить в диапазоне не менее 80–90%.

Таблица 1. Доля русских в населении регионов Юга России (число, тыс. чел. / %, указавших свою национальность, от общей численности населения, учтённой переписью населения)

Субъекты Федерации	Численность населения			Изменение за 1959–2021 гг.		Изменение за 1989–2021 гг.	
	1959 г.	1989 г.	2021 г.	чел.	%% пунктов	чел.	%% пунктов
Астраханская обл.	544 121 / 77,5%	713 558 / 72,0%	547 320 / 57,0%	+ 3 199	- 20,5	- 166 238	- 15,0
Волгоградская обл.	1 691 215 / 91,2%	2 309 520 / 89,1%	2 065 446 / 82,6%	+ 374 231	- 8,6	- 244 074	- 6,5
Ростовская обл.	3 023 703 / 91,3%	3 844 309 / 89,6%	3 606 327 / 85,9%	+ 582 624	- 5,4	- 237 892	- 3,7
Респ. Калмыкия	103 349 / 55,9%	121 531 / 37,7%	65 490 / 24,5%	- 37 859	- 31,4	- 56 041	- 13,2
Респ. Крым	741 622 / 70,4%	1 659 542 / 67,0%	1 296 442 / 67,0%	+ 554 820	- 3,4	+ 47 120	+ 6,2
г. Севастополь	116 651 / 78,8%		410 220 / 74,9%	+ 293 569	- 3,9		
Респ. Адыгея	200 492 / 70,4%	4 300 451 / 85,1%	287 778 / 57,9%	+ 87 286	- 12,5	+ 1 108 809	+ 0,3
Краснодарский край	3 163 219 / 91,0%		5 121 482 / 87,7%	+ 1 958 263	- 3,3		
Карачаево-Черкесская Респ.	141 843 / 51,0%	2 199 999 / 77,9%	127 621 / 27,2%	- 14 222	- 23,8	+ 237 082	- 5,7
Ставропольский край	1 465 353 / 91,3%		2 309 460 / 79,4%	+ 844 107	- 11,9		
Респ. Дагестан	213 754 / 20,1%	165 940 / 9,2%	102 243 / 3,2%	- 111 511	- 16,9	- 63 697	- 7,0
Чеченская Респ.	348 343 / 49,0%	293 771 / 23,1%	18 225 / 1,2%	- 326 826	- 47,9	- 272 525	- 22,0
Респ. Ингушетия			3 294 / 0,6%				
Кабардино-Балкарская Респ.	162 586 / 38,7%	240 750 / 31,9%	174 768 / 19,3%	+ 12 182	- 19,4	- 65 982	- 12,6
Респ. Северная Осетия	178 654 / 39,6%	189 159 / 29,9%	122 240 / 17,8%	- 56 414	- 21,8	- 66 619	- 12,1
Всего по Югу России	12 094 905 / 77,8%	16 038 530 / 69,8%	16 847 775 / 60,4%	+ 4 752 870	- 17,4	+ 809 245	- 9,4
Всего по России (включая Крым), тыс. чел.	98 721 / 83,1%	121 525 / 81,3%	105 579 / 71,7%	+ 6 858	- 11,4	- 15 946	- 9,6

Составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2021 г., а также Всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг.

числе южнороссийских регионов контрастировал с общероссийским процессом (за 1989 – 2021 гг. число лиц, зафиксированных в переписных листах как «русские» сократилась почти на 16 млн чел.). Характерно, при этом, что в 2021 г. в целом по стране именно 16,6 млн лиц, учтённых Всероссийской переписью, не указали свою национальность (7 млн из них – отказались отвечать на этот вопрос). В южнороссийском макрорегионе доля «неучтённых-отказников» (став уже по итогам переписи 2010 г., по удачному определению [5], своего рода «квази-народом», вторым по численности в Российской Федерации) оказалась в 1,8 раза ниже среднероссийской (за исключением Севастополя и Астраханской области).

Нарастающая проблема корректности учёта населения в рамках проводимых переписных компаний (на Юге России национальность не указана у 6,2% участников опроса, что, впрочем, эквивалентно численности локализованных в его пределах аварцев и даргинцев вместе взятых), дополняемая столь же очевидным (особо – в крупнейших городах) «размыванием» этнической идентичности – явились, вне сомнения, одной из базовых причин весомого «проседания» численности и доли русского населения. *Рост полиэтничности южнороссийского макрорегиона стал, следовательно, итогом обстоятельств не только собственно демографических, но культурно-ментальных, а также учётно-статистических.*

В современном российском пространстве («москвоцентричном» [2; 12], с выраженной социально-экономической асимметрией также в пользу ведущих сырьевых экспортно-ориентированных центров) специфика южнороссийской полиэтничности определяется в том числе и невысокой аттрактивностью для народов республик Северного Кавказа сопредельных «русских» областей и краёв (табл. 2).

Исключением явились Ростовская область и Ставропольский край, чьи восточные территории, наиболее привлекательные для пастбищного животноводства, ещё в советский период де-факто вошли в традиционный ареал расселения крупнейших народов восточной части Северного Кавказа (это хорошо показал два десятилетия назад В.С. Белозёров [3]). Впрочем, и здесь

лишь у чеченцев, аварцев и даргинцев прирост их численности за последний межпереписной период (2010–2021 гг.) превышает аналогичные показатели, присущие данным этносам на территории Чечни и Дагестана соответственно⁵.

Возрастающая полиэтничность Юга России, таким образом, в целом являла свою региональную избирательность, корреспондируя как с воспроизводством ареала преобладающего расселения русских (свыше 91% русских на Юге проживает в двух краях, трёх областях, а также Республике Крым с Севастополем), так и иноэтнических территорий, значимая часть которых обрела за постсоветский период (процесс этот начался существенно ранее [28]) выраженный *моноэтнический облик*. Причём, если у полиэтничных субъектов федерации на Юге России неболь-

Таблица 2. Численность некоторых наиболее крупных северокавказских этносов в областях и краях Юга России, чел.

Этнос	Годы	Краснодарский край	Респ. Адыгея	Ставропольский край	Карачаево-Черкесская Респ.	Ростовская обл.	Астраханская обл.	Волгоградская обл.
Чеченцы	1989	1 801		14 988		17 181	7 886	11 140
	2002	2 884	1 122	13 208	1 757	15 469	10 019	12 256
	2010	2 313	610	11 980	674	11 499	7 229	9 649
	2021	2 703	671	13 779	422	14 316	6 873	8 038
Аварцы	1989	1 156		6 250		4 073	1 848	1 334
	2002	1 460	133	7 167	207	4 038	4 217	2 118
	2010	1 848	213	9 009	216	4 595	4 719	2 290
	2021	1 643	425	10 288	226	4 285	3 527	1 113
Даргинцы	1989	823		32 740		6 179	2 708	1 901
	2002	860	108	40 218	290	6 735	3 550	2 604
	2010	1 056	125	49 302	293	8 304	4 241	3 501
	2021	207		58 785	329	9 397	4 255	2 726
Кумыки	1989	440		6 096		2 070	1 012	899
	2002	586	103	5 744	244	1 341	1 376	895
	2010	581	91	5 639	264	1 511	1 558	1 018
	2021	548	112	5 213	312	1 100	1 240	515
Лезгины	1989	3 076		5 175		3 260	1 809	1 718
	2002	3 752	300	6 558	444	3 659	3 646	2 046
	2010	4 106	391	7 900	400	3 902	4 246	2 145
	2021	2 975	493	7 031	307	2 372	3 607	842

Составлено автором по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., а также Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг.

⁵ За 2010–2021 гг. численность чеченцев в Чеченской Республике увеличилась в 1,2 раза, даргинцев в Республике Дагестан – в 1,06 раза, аварцев – в 1,12 раза, в то время как в Ростовской области в 1,25 и 1,13 раза соответственно, при сокращении аварского населения, а в Ставропольском крае – аварцев в 1,14 раза и даргинцев в 1,19 раза, что косвенно свидетельствует о имевшей место миграции.

Таблица 3. Моноэтнические и полиэтничные регионы Юга России

Субъект Федерации	Удельный вес наиболее крупных этносов, %	Удельный вес в масштабе Юга России, %		
		Площадь территории	Численность населения	Валовой региональный продукт
Ультрамоноэтнические регионы				
Чеченская Респ.	96,4 – чеченцы	2,62	5,71	2,52
Респ. Ингушетия	96,3 – ингуши	0,50	1,93	0,72
Моноэтнические с иноэтничными «вкраплениями»				
Волгоградская обл.	92,5 – русские	18,27	9,20	9,87
Ростовская обл.	91,7 – русские, 2,2 – армяне, 1,0 – турки	16,34	15,51	18,94
Краснодарский край	92,3 – русские, 3,8 – армяне	12,21	21,66	30,06
г. Севастополь	90,1 – русские, 5,5 – украинцы	0,15	2,08	1,59
Моноэтнический с весомыми иноэтничными «вкраплениями»				
Ставропольский край	82,9 – русские, 4,8 – армяне, 2,1 – даргинцы, 1,4 – цыгане	10,71	10,77	9,63
Полиэтнические с абсолютным численным превалярованием конкретного этноса				
Респ. Крым	72,9 – русские, 14,1 – крымские татары, 8,2 – украинцы	4,22	7,14	5,51
Респ. Северная Осетия	68,0 – осетины, 18,9 – русские, 3,7 – ингуши	1,29	2,56	1,91
Астраханская обл.	67,1 – русские, 17,5 – казахи, 5,9 – татары	7,93	3,54	6,17
Респ. Адыгея	64,3 – русские, 22,0 – адыгейцы	1,26	1,85	1,61
Респ. Калмыкия	62,6 – калмыки, 25,6 – русские	12,03	0,99	0,94
Кабардино-Балкарская Респ.	57,0 – кабардинцы, 19,8 – русские, 13,6 – балкарцы	2,02	3,36	1,87
Полиэтничность без выраженной численной доминанты конкретных этносов				
Карачаево-Черкесская Респ.	44,2 – карачаевцы, 27,4 – русские, 12,7 – черкесы, 8,2 – абазины	2,31	1,74	1,02
Респ. Дагестан	30,5 – аварцы, 16,6 – даргинцы, 15,8 – кумыки, 13,3 – лезгины, 5,2 – лакцы, 4,0 – табасараны	8,14	11,96	7,64

Составлено автором по данным Росстата.

шой численный перевес (8 из 15), то объёму территориального, демографического потенциалов, и, в ещё большей мере, по «размеру» экономики (исчисленному по ВРП) приоритетные позиции занимают именно регионы с долей в 75% и более лидирующего по численности этноса (табл. 3).

Социально-экономическая активность в пределах Юга России особым образом смещена в пользу регионов с доминантой в этнической структуре именно русской компоненты; это касается, в первую очередь, ключевых специализаций: растениеводства, туризма, транспортно-логистических услуг (табл. 4).

Поскольку тематика сопряжённости этнической структуры и экономической динамики в последнее время весьма широко об-

суждается [7; 23; 38; 39], уместно пояснить, что глубинная причина «этнически окрашенной» асимметрии социально-экономического развития территорий Юга России связана с агроклиматическими и орографическими обстоятельствами, уже к XIX в. спроецировавшимися на расселение [22], скорректированного далее индустриализацией и выстроенными на её основе центрально-периферийными градиентами, трансформированными (уже в постсоветский период) факторами геополитики. В целом же на моноэтнические субъекты РФ Юга приходится 60,8% территории макрорегиона, 66,9% населения и 73,3% суммарного (по Югу России) ВРП.

Моноэтничность территорий Юга России в ещё большей мере выражена

Таблица 4. Распределение некоторых параметров социально-экономического потенциала Юга России по моно- и полиэтническим регионам, 2022 г., %

	Ультра-моноэтничные	Моноэтничные («русские»)	Полиэтничные
Площадь территории	3,12	57,68	39,20
Численность населения	7,64	59,22	33,14
Валовой региональный продукт*	3,24	70,09	26,67
Объём обрабатывающих производств	0,44	87,69	11,87
Грузооборот автомобильного транспорта	2,75	86,42	10,83
Посевные площади зерновых и зернобобовых культур	1,78	85,72	12,50
Посевные площади подсолнечника	0,66	92,33	7,01
Посевные площади овощей	3,01	56,67	34,23
Валовой сбор плодов и ягод	3,92	42,78	53,30
Численность лиц, размещённых в коллективных средствах размещения	1,23	79,26	19,51
Обучающиеся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования	9,10	58,02	32,88
Численность студентов вузов	7,26	61,85	30,89
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками	1,55	78,14	20,31

* Данные за 2021 г.
Составлено автором по данным Росстата.

на муниципальном уровне, т.е. в разрезе городских и муниципальных округов, а также муниципальных районов.

Проведённый анализ позволил, в частности, идентифицировать «русскую моноэтничность» для 50 городских округов, 110 муниципальных районов и 7 муниципальных округов. В сумме это немногим более половины всех южнороссийских муниципалитетов «второго уровня».

Характерно, что муниципальные образования с более чем 75%-й долей русских в населении напрочь отсутствуют в Калмыкии, Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Чечне. На муниципальном уровне русская моноэтничность «смещена» также в пользу городских округов (в 65% от их общего по Югу числа доля русских превышает 75%, в то время как среди муниципальных округов и муниципальных районов по всему их кругу «русских» – только 45 %). К этой же типологической группе относится и 10 (фактически 11, считая и Севастополь с долей русских в 90,1%) из 14 ведущих, с более чем 200-тысячным населением, городов Юга России.

Ещё в 43 муниципальных образованиях удельный вес русских в населении варьирует в диапазоне от 50 до 75%, будучи также, практически, преобладающим (табл. 5).

Иноэтническая («нерусская») моноэтничность в пространственном отношении *зеркально-асимметрична* русской и характерна для 72 муниципальных образований Юга России (вне его областей, краев, Крыма и Адыгеи). Из этого числа 16 – чеченские, 13 – аварские, 9 – ингушские. По 6 моноэтнических муниципальных образований у кабардинцев и осетин, по 5 – даргинцев и лакцев, 4 – у карачаевцев. В двух – более 75% населения – калмыки и лакцы. По одному моноэтническому муниципальному образованию у абазин, ногайцев, табасаран и черкесов.

В полиэтнических регионах моноэтничность муниципальных образований приурочена, как правило, к сельской местности, проявляясь как в виде отдельных муниципальных районов с чётким численным преобладанием конкретного этноса⁶, так и *кластеров этнически-однородных территорий* (что особо присуще Республике Дагестан, где в горной местности уместно

⁶ Хабезский муниципальный район Карачаево-Черкесии (95,6% – черкесы), Ногайский муниципальный район Дагестана (88,4% населения – ногайцы) и др.

Таблица 5. Типологическая группировка муниципальных образований Юга России с учётом базовых особенностей этнической структуры

	Моноэтнические (доля лидирующего по численности этноса выше 75%)		Полиэтнические		
			С абсолютным численным превалированием ведущего этноса (доля 50–75%)		Доля любого этноса менее 50%
	русские	иноэтнические	«русские»	иноэтнические	
Городские округа	50	9	4	6	8
Муниципальные районы и муниципальные округа	117	63	39	25	11
Всего	167	72	43	31	19

Составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2021 г.

идентифицировать аварский, даргинский, лакские континуальные массивы-группировки муниципальных районов). Под их влиянием и соседствующие города (городские округа) демонстрируют характерную «смещённость» этнической структуры: в Буйнакске – в пользу аварцев и кумыков, в Дагестанских огнях – табасаран, Дербенте – лезгин и азербайджанцев, Каспийске – лезгин, Кизилюрте – аварцев, Хасавюрте – аварцев и чеченцев. Фактор локализации предопределил и этническую структуру крупнейшей на Юге России полиэтнической городской агломерации – Махачкалинской⁷, отличающуюся повышенной (в сопоставлении в Дагестаном в целом) долей кумыков и лакцев и, напротив, пониженной – аварцев, наиболее крупного по численности этноса республики.

Полиэтничность национальных республик подкрепляется и муниципально очерченными «выпесками» ареала расселения русских за пределы областей и краёв Юга России, характерными для:

- Адыгеи (где к данной категории относится Майкопский муниципальный район);
- Дагестана: городской округ Кизляр (русские – 35,5%, аварцы – 24,5%, даргинцы – 15,5 %);
- Калмыкии: Городовиковский район (русские – 57,7%, калмыки – 26,4%, турки – 9,3 %), Приютенский район (русские – 51,6%, калмыки – 35,1%, даргинцы – 7%), Сарпинский район (русские – 54,7%, калмыки – 33,2%, даргинцы – 6%), Яшалтинский муниципальный район (русские – 51,6%, турки – 18,5%, калмыки – 10%);

- Кабардино-Балкарии: городской округ Прохладный (русские – 74,8%, кабардинцы – 8,3%, армяне – 3%), а также Прохладненский (русские – 52,9%, кабардинцы – 30%, турки – 6,8%) и Майский (русские – 66,5%, турки – 12,5%, кабардинцы – 8,8%) муниципальные районы;
- Карачаево-Черкесии: Зеленчукский (русские – 56,3%, карачаевцы – 39,6%) и Урупский (русские – 73,7%, карачаевцы – 19,9%) муниципальные районы;
- Северной Осетии: Моздокский муниципальный район (русские – 50,2%, кумыки – 21,6%, осетины – 9,2%).

Локализованными проявлениями полиэтничности отличаются, впрочем, абсолютно все, в том числе и «русские» моноэтнические территории. Речь идёт, прежде всего, о присутствии практически на любой, даже с максимально выраженными признаками моноэтничности, территории численно небольших иноэтнических (не относящихся к преобладающему этносу) вкраплений. Подобного рода «фоновая полиэтничность», как показал анализ, минимальна (0,4–2,0%) в большинстве муниципальных районов Дагестана, Чечни и Ингушетии, повышаясь в Волгоградской, Ростовской области, а также в Краснодарском крае до 3,5–5%, причём в городах (особенно крупных) она неизменно оказывается существеннее, чем в сельской, периферийной местности.

Многочисленны также ситуации, когда в этнической структуре муниципальных образований можно вычленить типологически значимое присутствие «второй» (а в ряде

⁷ Её население – 1 010 тыс. чел., что составляет 31,7% всего демографического потенциала Республики Дагестан. В числе основных составляющих этнической структуры Махачкалинской агломерации: 23,5 % – кумыки (в целом по Дагестану – 15,6%), аварцы – 20,7% (30,0%), даргинцы – 16,6% (16,4%), лезгины – 14,0% (13,1%), лакцы – 10,2% (5,1%).

случаев и «третьей») по своей численности национальности (табл. 6).

Так, к примеру, в Республике Крым из 25-ти муниципальных образований в 17-ти вторым по численности этносом выступают татары (чья доля варьирует от 35,4% в Кировском муниципальном районе до 7,2% в Алуште), а в остальных – украинцы (с диапазоном от 19,4% в городском округе Армянск до 3,6% в Керчи). «Третья позиция» в этнической структуре муниципалитетов Республики Крым также татаро-украинская только с иной, зеркальной по отношению ко «вторым этносам» ситуацией.

В муниципалитетах Республики Калмыкия «вторым» по численности попеременно являются русские либо калмыки, а «третьим» – казахи, даргинцы, турки и корейцы. В Астраханской области из 12 муниципалитетов в 9 «вторым этносом» выступают казахи. В Ростовской области из 54 муниципалитетов в 21 на второй позиции в этнической структуре армяне, в 10 – турки, в 8 – украинцы.

Особым случаем полиэтничности выступают *муниципальные образования – иноэтнические инклюзии в массиве «русских» территорий*, характерные для:

- Астраханской области (доля казахов в Володарском районе – 71,3%, в Красноярском – 52,2%);
- Волгоградской области (Палассовский, Старополтавский и Николаевский районы с долей казахов в 43,5%, 20,9% и 15,4%);
- Ростовской области (Мясниковский район с удельным весом армян в 48,2%, Багаевский, Волгодонский и Мартыновский район с более чем

10% долей турецкого населения, Заветинский районы с 24% присутствия чеченцев и 3,6% даргинцев и др.);

- Ставропольского края, где, в частности, оформился ареал с ощутимой долей в населении представителей автохтонных народов Дагестана (Азгирский, Левокумский, Степановский муниципальные округа и др.), а также имеются территории со сдвигом этнодемографического баланса в пользу ногайцев (Нефтекумский городской округ), армян (Пятигорск, Георгиевск), греков (Предгорный муниципальный округ) и туркмен (Туркменский муниципальный округ).

Общая полиэтничность в пределах всего Юга России сочетается, в итоге, с муниципально и регионально локализованной численной доминантой конкретных этносов. И наоборот – преобладающие (пространственно и социально-экономически) моноэтнические ареалы вмещают множественные иноэтнические инклюзии, что в целом придаёт южнороссийскому макрорегиону предельно усложнённый в общественно-географическом отношении *полиэтнично-моноэтничный* облик.

Выводы.

1. Продуктивное решение актуализированных для современной Российской Федерации вопросов пространственного развития немыслимо вне учёта её этногеографической особенностей и, соответственно, анализа полимасштабных (с приоритетным вниманием к муниципальному уровню) проявлений дихотомии «полиэтничность – моноэтничность» в рамках общественно-географических подходов.

Таблица 6. Число муниципальных образований с долей в населении некоторых наиболее значимых «вторых – третьих» этносов (1–5% / 5–10% / более 10%)

Этносы	Астраханская обл.	Волгоградская обл.	Ростовская обл.	Краснодарский край	Ставропольский край	Респ. Крым
армяне	– / – / –	1 / – / –	27 / 1 / 1	16 / 8 / 3	14 / 5 / 3	– / – / –
даргинцы	– / 1 / –	2 / – / –	3 / 1 / 1	– / – / –	3 / 5 / 4	– / – / –
казахи	1 / 1 / 9	6 / 1 / 4	1 / – / –	– / – / –	– / – / –	– / – / –
ногайцы	– / 1 / –	– / – / –	//	– / – / –	1 / 1 / 1	– / – / –
татары	2 / 1 / 2	– / 3 / –	– / – / –	3 / – / –	1 / – / –	3 / 6 / 16
турки	– / – / –	5 / 1 / –	5 / 4 / 2	2 / – / –	1 / – / 1	– / – / –
украинцы	– / – / –	– / – / –	15 / – / –	– / – / –	– / – / –	3 / 11 / 11
цыгане	– / – / –	1 / – / –	5 / – / –	1 / – / –	11 / 2 / –	– / – / –
чеченцы	1 / – / –	5 / – / –	4 / 1 / 2	– / – / –	3 / – / –	– / – / –

Составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2021 г.

2. Присущие России в целом усложнённость и динамизм этнической структуры, а её регионам и, тем более, муниципальным образованиям – ещё и её поливариантность, требуют расширительного толкования моноэтничности при одновременной фиксации её переходных к полиэтнизму ситуаций «по нисходящей».

3. В общероссийском масштабе Юг России (Южный и Северо-Кавказский федеральные округа) демонстрирует не только пониженную (на 11,3 процентных пункта) долю русских в населении, но и существенно возросшую в постсоветский период стратификацию пространства на «русскую составляющую» и «иноэтнические сегменты». Присущая южнороссийскому макрорегиону прогрессирующая полиэтничность являет свою региональную и локальную (муниципальную) избирательность, сочетаясь с преобладающими проявлениями фактической моноэтничности (когда более 75% в этнической структуре территории принадлежит конкретному этносу).

4. В пределах Юга России в качестве моноэтничных могут быть идентифицированы 7 из 15 регионов (субъектов Федерации) и 239 из 332 муниципальных образований «второго уровня». Социально-экономический потенциал (особым образом – в отраслях специализации) смещен, при этом, в пользу территорий с доминантой в этниче-

ской структуре именно русской компоненты (пять регионов, 50 городских округов, 117 муниципальных районов и муниципальных округов).

5. Будучи (за исключением Ингушетии и Чечни) полиэтничными, республики Юга России (с Республикой Крым) характеризуются наличием в своей структуре 13 «русских» муниципалитетов. В целом же моноэтничность полиэтничных регионов приурочена, как правило, к сельской местности, проявляясь в том числе в виде группировок этнически-однородных муниципальных образований (что особо присуще Республике Дагестан). «Фоновыми» проявлениями полиэтничности отличаются, при этом, абсолютно все моноэтнические территории. Масштаб присутствия в их структуре «второго – третьего» (по численности) этносов определяет типологически значимую степень моно-полиэтничности («переход» территории в полиэтничное состояние).

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алаев Э.Б.* Географическое мышление и геопространственная парадигма // Изв. ВГО. 1981. Вып. 5. С. 419–422.
2. *Безруков Л.А., Дружинин А.Г., Кузнецова О.В., Шупер В.А.* Пространственное развитие России в контексте формирования Большой Евразии: факторы, векторы, приоритеты // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 2. С. 18–40. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-2-2.
3. *Белозеров В.С.* Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. 304 с.
4. *Белозеров В.С., Панин А.Н., Чихичин В.В.* Этнический атлас Ставропольского края. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2008. 207 с.
5. *Богоявленский Д.* Перепись 2010: этнический срез // Население России. 2010–2011. М., 2013. С. 93–143.
6. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
7. *Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Михалёва М.М.* Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 3. С. 143–157.
8. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 286 с.
9. *Денисова Г.С., Герман М.А., Денисов В.И., Суций С.Я.* Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 188 с.
10. *Дружинин А.Г.* Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 83–92.
11. *Дружинин А.Г.* Юг России конца XX – начала XXI в. (экономико-географические аспекты) / МИОН. Сер. «Монографии». Вып. 5. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 284 с.
12. *Дружинин А.Г.* Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 29–42. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.04.
13. *Дружинин А.Г.* «Кавказская составляющая» этнодемографической структуры регионов Юга России: постсоветская динамика // Псковский региональный журнал. 2021. Т. 17. № 3. С. 58–71.

14. Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития России: векторы обновления // Географический вестник. 2024. № 1 (68). С. 15–26. DOI: 10.17072/2079-7877-2024-1-15-26.
15. Ермишина А.В. Экономическое развитие регионов полиэтничного Юга России // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Экономика. 2019. Т. 21. № 4. С. 55–66.
16. Костинский Г.Д. Идея пространственности в географии // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1992. № 6. С. 31–40.
17. Курабцев В.Л. Южный федеральный округ: новая волна миграции // Социологические исследования. 2010. № 8 (316). С. 77–80.
18. Манаков А.Г. Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 годов // Изв. РАН. Сер. геогр. 2019. № 2. С. 117–128.
19. Манаков А.Г. Оценка этнической трансформации регионов постсоветского пространства // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 5. С. 687–698.
20. Матишов Г.Г. Проблемы развития Юга России как полиэтничного макрорегиона // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность: сб. научн. статей / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2008. С. 3–12.
21. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Авксентьев В.А. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. III. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2009. 260 с.
22. Покшишевский В.В. Заселение лесостепи и степи с XVI по XVIII в. // Региональные исследования. 2017. № 3 (57). С. 122–135.
23. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультура и экономика: синергия возможностей // ЭКО. 2018. № 5 (527). С. 8–27.
24. Рыбаковский Л.Л. Депопуляция и её этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 18–28.
25. Сафронов С.Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153.
26. Северный Кавказ: модернизационный вызов / И.В. Стародубровская, Н.В. Зубаревич, Д.В. Соколов, Т.П. Интигринова, Н.И. Миронова, Х.Г. Магомедов. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2011. 328 с.
27. Стрелецкий В.Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. С. 146–176.
28. Суцкий С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 1994. 575 с.
29. Суцкий С.Я. Армяне Юга России и Крыма. Геодемографический очерк. Ростов-на-Дону: Копицентр, 2015. 288 с.
30. Суцкий С.Я. Геодемографические и миграционные процессы в Астраханской области // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11. № 3. С. 86–97.
31. Тишков В.А. Российская полиэтничность в мировом контексте // Вестн. росс. нации. 2013. № 5. С. 12–29.
32. Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–137.
33. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
34. Черноус В.В. Русские на Северном Кавказе. Вызовы XXI века. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 2001. 215 с.
35. Цуццев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа. М.: Изд-во «Европа». 2007. 127 с.
36. Швец А.Б. Полиэтничность Крыма как фактор выстраивания регионом баланса // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15). № 4. С. 29–46.
37. Щупленков О.В. Южный поток. Проблемы миграции на Юге России / М.: Междунар. изд. центр «Этносоциум», 2014. 260 с.
38. Alesina A., Eliana La Ferrara Ethnic Diversity and Economic Performance // Journal of Economic Literature. 2005. Vol. 43 (3). P. 762–800.
39. Oguzhan Dincer, Fan Wang Ethnic diversity and economic growth in China // Journal of Economic Policy Reform, Taylor and Francis Journals. 2011. Vol. 14 (1). P. 1–10.

Статья поступила в редакцию журнала 21 июня 2024 г.

Об авторе:

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону; главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, г. Москва; ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва.

Для цитирования:

Дружинин А.Г. Полиэтничен ли современный Юг России? // Региональные исследования. 2024. № 2. С. 28–39.

DOI: 10.5922/1994-5280-2024-2-3

Is the modern South of Russia polyethnic?

A.G. Druzhinin^{1,2,3}

¹*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

²*Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

³*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

e-mail: alexdru9@mail.ru

The activation (and actualization) of transformational processes in Russian society against the background of significantly increased global turbulence initiates priority attention to spatial development, which, in turn, requires a more detailed and correct assessment of the ethnodemographic specifics of the territory. The article focuses on the modern features of the ethnic structure of the South of Russia (Southern and North Caucasian Federal Districts), which is ethnogeographically the most “mosaic” macroregion of the Russian Federation, based on a multi-scale analysis of data from the All-Russian Population Census in 2020. It is shown that the idea of the South of Russia as a multiethnic territory rooted in scientific discourse is generally justified (for Russians in the census population – 60.4% with an average for Russia – 71.7), but should be adjusted for regional and municipal taxonomic levels. Thus, out of 15 federal subjects localized in the South of Russia, in 7 the proportion of the numerically predominant ethnic group exceeds 75%, which illustrates their predominant mono-ethnicity (these regions occupy 61% of the territory of Southern Russia, concentrating 67% of its population and 73% of the GRP). The situation is similar in 239 (out of 341) municipalities (urban districts, municipal districts and municipal districts), including such important urban centers as Krasnodar, Rostov-on-Don, Volgograd, Stavropol, Sevastopol. The territorial, residential and economic structure of the South of Russia is shifted, as a result, in favor of regions and municipalities with a clear “ethnic coloring” (including “Russian” in 5 subjects of the Russian Federation and half of municipalities), which allows us to consider the South Russian macroregion as an asymmetric combination of mono- and multiethnic territories.

Keywords: ethnic structure, multi-scale analysis, mono-ethnicity, polyethnicity, municipality, South of Russia.

Funding: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № 23-18-00180 «Polyvariance of determinants and trends in the economic dynamics of municipalities in Russia: conceptualization, identification and typology in the interests of state regulation of spatial development») at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

Received 21.06.2024